

Секция «11.1 Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

**Литературный дебют Марины Цветаевой: полемика с В.Я. Брюсовым и формирование поэтической идентичности**

**Научный руководитель – Орлова Екатерина Иосифовна**

*Галухина Алина Дмитриевна*

*Студент (бакалавр)*

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет журналистики, Москва, Россия

*E-mail: galukhina04@mail.ru*

Литературный дебют Марины Цветаевой проходил в сложной полемической атмосфере, связанной с переоценкой символистской эстетики и поисками новых путей в поэзии. Вхождение в литературу, вопреки позднейшей мифологизированной версии поэта о сознательном нежелании следовать корпоративным правилам [10, т. 4: 23–24; 11: 32], изначально было ориентировано на признание ключевыми фигурами эпохи. 4 декабря 1910 года экземпляр «Вечернего альбома» был отправлен В.Я. Брюсову «с просьбой просмотреть» [4: 33–34]. Этот жест фиксирует парадоксальную ситуацию: декларируемая независимость сочетается с ожиданием санкции «старшего».

Сама Цветаева ретроспективно определяла свое отношение к Брюсову противоречиво: «Брюсова я под искренним видом ненависти просто любила, только в этом виде любви (оттолкновении) сильнее, чем любила бы его в её простейшем виде — притяжении» [10, т. 4: 51]. В «Герое труда» читаем: «Стихи Брюсова я любила с 16 по 17 л. — страстной и краткой любовью» [Там же: 12]. В статьях Эллиса, поэта, участвовавшего в творческом «воспитании» сестёр Цветаевых, Брюсов назван в числе авторов, сформировавших канон символизма [12: 56]. «Брюсов был его (Эллиса) кумир», — вспоминала А. Цветаева [9: 414]. О.А. Клинг считает, что «внимательное чтение стихов ранней Цветаевой позволяет обнаружить в них "остаточную" энергию художественных открытий Брюсова» [3: 251].

На страницах принадлежавшего Цветаевой 3-го тома «Путей и перепутий» Брюсова сохранились её многочисленные пометы [8: 12]. Несколько позднее Цветаева написала свою первую критическую статью «Волшебство в стихах Брюсова» (зима 1910/11 г.), последний абзац которой предвосхищает будущую полемику: «Измена романтизму; оскорбление юности в намеренно-небрежной критике молодых поэтов... — да простится все это Брюсову за то, что и в его руках когда-то сверкал многогранный алмаз волшебства». Е.Б. Коркина полагает, что строки об «оскорблении юности» были написаны уже после появления его рецензии на «Вечерний альбом» [4: 36].

На страницах сборника Брюсов оставил карандашную заметку: «Хорошая школа. Но всё немного пресно. Слишком много умилений. Приторно, нет настоящей страсти» [Там же: 33–34]. Эта приватная оценка предвосхитила тональность его печатного отзыва. В статье «Новые сборники стихов» (1911) Брюсов, выделив Цветаеву за «жуткую интимность», упрекнул её в «домашности», превращающей стихи в «пресные страницы личного дневника». Критик выразил надежду, что поэт обратится к «более острым чувствам» и «нужным мыслям», превратит свои образы в «символы общечеловеческого» [1: 233].

Последовавшее «оттолкновение» провоцируется не только критикой, но и несовпадением коммуникативных ожиданий. С.Ю. Корниенко указывает, что Цветаева ожидала от Брюсова «инициирования связи "старшего" и "младшего" поэта, вписывающейся в модель литературного наставничества» [5: 22]. Вместо этого она получила сдержанную оценку и демонстративное несоблюдение «ритуала» знакомства (отказ от рукопожатия на

вечере в «Обществе свободной эстетики» 3 ноября 1911 г. [10: 26–27]). Реакция Цветаевой на брюсовскую рецензию носила характер отложенного, но тщательно продуманного ответа. В стихотворении «В.Я. Брюсову», включенном во второй сборник «Волшебный фонарь» (1912), она не просто парирует обвинение в отсутствии «острых чувств» и «нужных мыслей», но переворачивает саму иерархию ценностей: поэзия, рожденная из книг и критической зависти, противопоставляется подлинному дару. А. Павловский видит в рецензии Брюсова «постановку диагноза»: если «детская болезнь» повторится, «никакого поэта с именем Марина Цветаева не будет» [7: 65]. Цветаева сознательно подтверждает этот «диагноз», но переводит его в иной регистр — «детскость» становится не недостатком, а основанием поэтики. В ответной рецензии Брюсов констатировал: «Вторая книга... не оправдала наших надежд... Чего же ждать от поэта, который сам признается, что острых чувств и нужных мыслей ему от Бога не дано» [10: 24]. Слова из первого отзыва, взятые Цветаевой в кавычки, были явлены без кавычек, что искажало смысл.

Показательно, что стихотворение «В.Я. Брюсову» Цветаева перепечатала в сборнике «Из двух книг» (1913), придав полемике характер программного документа. В позднейшем комментарии в «Герое труда» она подчеркивает спонтанность его возникновения («возник у меня не после рецензии, а после сна о нём, с Ренатой, волшебного, которого он никогда не узнал» [10: 25]), противопоставляя иррациональную природу творчества рационализму Брюсова. Брюсов, в свою очередь, воспринял выпад болезненно: в неопубликованной заметке для сборника «Miscellanea» он цитирует обидные строки и защищает свое право на высокие требования к поэтам [6: 205].

Таким образом, фигура Брюсова, при всей внешней неприязни, становится необходимым «зеркалом» для самоидентификации: вакантное место «старшего учителя» при «юном гении» в итоге займет М. Волошин, предложивший иную модель отношений — «свободное ученичество» без стиливого давления [5: 39; 10: 402]. Он не просто оценил дебютную книгу, но и предложил герменевтическую стратегию прочтения — «подряд, как дневник» [2: 6]. Это стало катализатором для формирования творческого самосознания Цветаевой, которая в ответном письме подчеркнула: «Вы подошли к ней как к жизни, и простили жизни то, чего не прощают литературе» [10: 39]. Однако именно полемический импульс, заданный диалогом с Брюсовым, определил путь поэта, дистанцирующегося от «кружковщины» и утверждающего независимость от литературных иерархий.

### Источники и литература

- 1) Брюсов В. Новые сборники стихов // Русская мысль. 1911. № 2. С. 224–235.
- 2) Волошин М. Женская поэзия // Утро России. 1910. № 323, 11 декабря. С. 6.
- 3) Клинг О. А. Влияние символизма на постсимволическую поэзию в России 1910-х годов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010. 352 с.
- 4) Коркина Е. Б. Летопись жизни и творчества М. И. Цветаевой. Ч. I (1892–1922). М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2012. 288 с.
- 5) Корниенко С. Ю. Самоопределение в культуре модерна: Максимилиан Волошин — Марина Цветаева. М.: Языки славянской культуры, 2015. 288 с.
- 6) Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. М.: Наука, 1976. 856 с.
- 7) Павловский А. Куст рябины. О поэзии Марины Цветаевой. Л.: Советский писатель, 1989. 352 с.
- 8) Саакянц А. Марина Цветаева. Жизнь и творчество. М.: Эллис Лак, 1999. 816 с.
- 9) Цветаева А. Воспоминания. М.: Советский писатель, 1995. 864 с.

- 10) Цветаева М. И. Собрание сочинений в 7 т. М.: Эллис Лак, 1994–1995. Т. 4. 688 с.; Т. 6. 800 с.
- 11) Шевеленко И. Литературный путь Цветаевой. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
- 12) Эллис. Итоги символизма // Весы. 1909. № 7. С. 53–65.